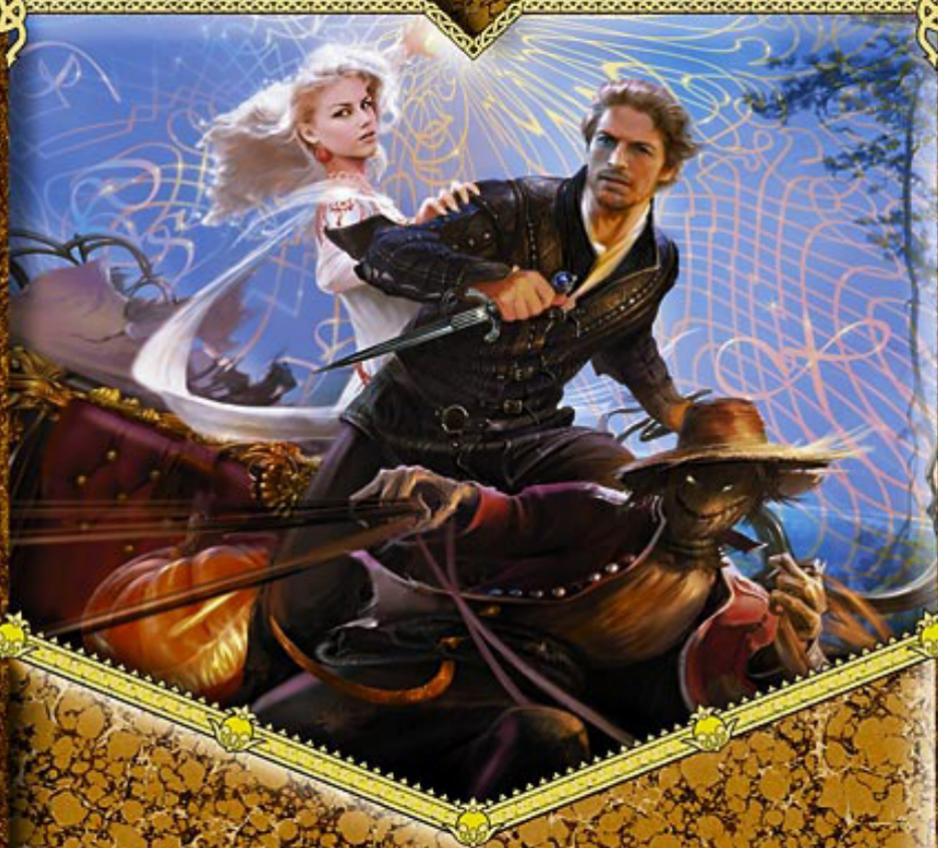

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ПЕХОВ

СТРАЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Пехова

в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
СТРАЖ**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

«ЦИКЛ ВЕТРА И ИСКР»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

Цикл

«НОЧНАЯ СТОЛИЦА»

**КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ**

Алексей ПЕХОВ

СТРАЖ

Роман

Москва, 2011
ЭРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

История первая ВЕДЬМИН ЯР

Ворон на ржаном поле не было, что и неудивительно при таком пугале. Будь я мало-мальски разумной вороной — встретив подобную страхолюдину, летел бы до княжества Лезерберг, вопя во всю глотку от ужаса.

Пугало было неприятным.

Недобрым.

Злым.

Оно торчало на палке, затянутое в дырявый солдатский мундир времен князя Георга, в широкополой, надвинутой на глаза соломенной шляпе с растрепанными полями. Голова — мешок, сшитый из рубища и набитый непонятно какой дрянью, казалась одутловатой и непомерно большой. Нарисованная черной краской линия рта — зловещая ухмылочка на все лицо — заставляла задуматься о психическом состоянии пугала.

— Улыбка, что называется, мороз по коже,— отметил Проповедник.

Я не ответил, лишь раздраженно дернул плечом, и он замолчал. Меня больше заинтересовал серп в правой руке страшили. Он был покрыт странным буроватым налетом. Возможно, ржавчина, а может, и нет. Я не настолько любопытен, чтобы проверять. Но, судя по улыбке пугала, не удивлюсь, если где-нибудь в меже лежат чьи-то кости. Кто знает, что делает оно ночью, когда вокруг залитые лунным светом поля и на проселочной дороге появляется одинокий путник?

Я бросил на пугало еще один оценивающий взгляд и сказал:

— Наверное, ты свирепеешь оттого, что изо дня в день приходится стоять в этом забытом богом месте под ветром, дождем и снегом. И надо думать, тебя порядком допекло гонять ворон. Если хочешь, можешь присоединиться к нашей маленькой компании. Не обещаю, что будет интересно, но всяко лучше, чем торчать на ржаном поле.

Услышав мои слова, Проповедник расхохотался и вытер кровь, текущую из проломленного виска:

— Зачем тебе этот страшила, Людвиг?

— Мне так хочется.

Он фыркнул, слишком громко и театрально, поправил окровавленный, давно уже не белый воротничок своей сутаны, но не стал меня убеждать оставить затею, за что я был ему безмерно благодарен.

— Что скажешь? — обратился я к пугалу.

Оно ничем не показало, что услышало меня. Лишь ветер трепал торчащую из-под соломенной шляпы паклю волос и пригибал ржаные колосья.

— Ну, как знаешь, — равнодушно сказал я ему, поднимая с земли свой дорожный саквояж. — Если надумаешь, догоняй.

Я пошел прочь, и Проповедник пристроился в шаге за мной, напевая «Anima Christi»¹, на этот раз переложив ее на мотив одной золянской песни. Проповедник у нас еще тот безбожник и богохульник. Такого, как он, даже среди кацеров² Витильского княжества не сыщешь. В былые годы Псы Господни с радостью отволокли бы его на костер, но теперь времена уже не те, и Проповедник частенько глумится над обряженными в черные сутаны братьями по вере. Ему все сходит с рук.

Перед поворотом я оглянулся. Пугало стояло там же, где и раньше.

— Может, ему нравится гонять ворон? — пробормотал мой спутник.

— Не исключаю такой возможности. В любом случае — стоило попытаться.

¹ Душа Христа. Одна из молитв.

² Еретик (*устар.*).

Проселочная дорога виляла среди необрунных полей и казалась давно заброшенной. Никаких следов. Впрочем, впечатление было обманчивым. Люди здесь появлялись, о чем свидетельствовала хотя бы свежесколоченная изгородь. Мы дошли до перекрестка, где основной тракт вел к Виону, третьему по размеру городу княжества Фирвальден.

В воздухе пахло жарким летом и грозой, собирающейся на востоке. Неугомонные ласточки носились над самой землей, кузнечики стрекотали, как угорелые. В общем, ничего интересного. К сельским пейзажам я равнодушен. И если бы мой конь не захромал и его не пришлось продать какому-то жуликоватому типу, стал бы я рассматривать окрестные пасторали столь придиричиво.

Возле дорожного столба, отмечавшего мили, я остановился, мельком взглянул на сухую фигуру Проповедника, подумал наточить кинжал, но на дороге показался регулярный дилижанс, за что я тут же возблагодарил свою удачу.

Кучер остановил гроыхающую на ухабах карету, я заплатил ему за проезд, радуясь, что до города ехать меньше часа и мои кости не успеют превратиться в порошок от тряски. Я забрался в экипаж, сел на едко пахнущее кожей сиденье, поприветствовав пассажиров. Их было всего трое, так что внутри оказалось просторно. Проповедник куда-то делся. Или поехал вместе с кучером, или решил прогуляться пешком. Я не беспокоился о нем. Вот уж кто-кто, а этот зануда от меня никуда не денется, проверено опытным путем.

Я сунул саквояж под сиденье, запихнув его ногой поглубже. Сидевшая рядом со мной пожилая дама крайне кислой наружности и в черном чепце подарила мне не слишком восхищенный взгляд и сжала черепаховую ручку сумки, словно опасаясь, что ее ограбят. Я мило ей улыбнулся, но должного эффекта не произвел. Для нее я был слишком странным господином, который путешествует пешком по проселочным дорогам.

Напротив меня вольготно расположился молодой человек в черном бархатном берете с вышитой эмблемой Савранского университета, заведения уважаемого и престиж-

ного. Судя по всему, господин студент возвращался в родные края на каникулы. Глаза у него были проворными, так что он почти сразу же заметил кинжал, показавший рукоять из-под моей расстегнутой вельветовой куртки. Безошибочно определив род моей деятельности, он нахмурился, и следующие двадцать минут я находился под расстрелом его взгляда, полного праведного молчаливого возмущения.

Мне было ровным счетом все равно, и его назойливое внимание меня ничуть не раздражало. Наконец студент прокашлялся и сказал запальчиво:

— Таким, как вы, не место в свободном княжестве!

— Спасибо за информацию,— вежливо поблагодарил я его, поглядывая на третьего пассажира.

Кажется, он улыбался, во всяком случае, глаза у него были веселые.

— Я презираю вашу работу!

Вот ведь повезло оказаться рядом с наслушавшимся прогрессивных вольнодумцев дураком. Другой бы на моем месте уже выбросил юного борца за справедливость из дилижанса, но я как человек миролюбивый лишь пожал плечами:

— Поэтому, чтобы вас не раздражать, я не стану ее делать прямо сейчас.

Он нахмурился, не понимая, и я спросил:

— Как вы считаете, сколько в дилижансе пассажиров?

— Разумеется, нас только двое!

Сосед студента, действительно, веселился. Плечи его тряслись от смеха.

— Спешу вас огорчить, молодой человек. Нас здесь четверо.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего — с большой опаской, словно я вот-вот на него кинусь, но я как ни в чем не бывало продолжил, ткнув пальцем в даму в чепце:

— Здесь едет женщина. Судя по одежде, едет уже не первый год.

Она посмотрела на меня с обидой и отвернулась к окну, произнеся губами какое-то ругательство.

— А рядом с вами сидит очень интересный персонаж.

Как я понимаю, военный. Во всяком случае, на нем порядком испачканный мундир артиллериста княжества Лезерберг с нашивками уорэнт-офицера второго класса. Помните тот трехлетний конфликт, когда Фирвальдену показалось, что ущемляют его территориальную целостность? Кажется, парень оттуда. Пулей ему оторвало нижнюю челюсть, так что зрелище, я бы сказал, не очень аппетитное. В данный момент этот бравый вояка дышит вам в ухо, а кровь из его раны капает вам на плечо.

Студент дернулся, машинально посмотрел на свою чистую одежду, хотел что-то мне сказать, но, увидев по глазам, что я не лгу и не смеюсь над ним, побледнел.

— Вы шутите? — прохрипел он осипшим голосом.

— С такими вещами я никогда не шучу, уж можете мне поверить.

Он почувствовал себя очень неуютно со мной. Стал бросать взгляды на пустые сиденья, пытаюсь увидеть то, что ему видеть не суждено.

— И вы... не собираетесь ничего делать? — нервно спросил студент.

— Нет. Не собираюсь. Во-первых, у меня выходной. Во-вторых, вы этого не одобряете.

Было еще и «в-третьих» — не все души опасны для человека. Далеко не все. А я не убиваю тех, кто просто хочет жить. Даже если их жизнь мало чем похожа на человеческую. Но я не стал говорить об этом вслух. Идеальный молодой человек совершенно не заслуживал подобных откровений.

Он сидел, напрягшись, косил глазами по сторонам, облизывал языком пересохшие губы. Несколько раз студент почти убедил себя в том, что я лгу ему, но первобытный страх перед неведомым оказался сильнее. Он заколотил по стенке дилижанса, заставив кучера остановить его, и с круглыми от страха глазами вывалился на улицу.

Что характерно, даже не попрощавшись. Вместе с ним покинул карету и уорэнт-офицер. Его вся эта ситуация развлекла.

— Зачем вы так с бедным мальчиком? — не выдержала

дама, когда дилижанс набрал скорость, и я стал подпрыгивать на сиденье.

— Бедный мальчик любит судить людей и презирать то, чего он не слишком понимает. Пусть ему будет это уроком.

Она покачала начинающей сесть головой:

— Это очень жестоко.

— Отнюдь. Жестоко было бы сказать, что за ним сошел еще один пассажир.

— Зря вы едете в Вион, — вдруг сказала она.

— Я должен о чем-то знать? — резко спросил я, поворачиваясь к ней.

Женщина не ответила, и всю оставшуюся дорогу мы провели в молчании. Когда дилижанс остановился на центральной городской площади, аккуратно напротив ратуши, я вышел на улицу.

Гроза приближалась. Я чувствовал это. Не пройдет и часа, как она меня нагонит, накроет город.

Стихийный овощной рынок возле начала узкой улицы, ступеньками поднимающейся на парковые террасы, спешно закрывался. Продавцы собирали прилавки, убирали товар в корзины, грузили на телеги. Городские законы позволяли торговать приезжим в пределах стен лишь до трех часов дня. Звонница собора Святого Николая — серо-черной громадины, возвышающейся над Вионом, — как раз призывала на нону¹. Двое стражников с арбалетами и при пистолетах за поясами, обязанные следить за тем, чтобы закон соблюдался, то и дело посматривали на пока еще ясное небо, а не на торговцев.

Я покачался на каблуках, думая, что делать дальше. Заключив, что неплохо бы для начала оставить вещи, а затем заняться делом, направился по Глотской, подальше от южных ворот, через которые приехал. Я знал отличный постоянный двор всего лишь в пяти минутах от центра.

Дома в Вионе были большими, светлыми, покрытыми ярко-красной шестиугольной черепицей, придававшей им немного сказочный вид. Мне нравилось здесь бывать го-

¹ Н о н а (девятый час) — молитва, читаемая приблизительно в три часа дня.

раздо больше, чем в столице княжества, где растянутый вдоль озерных берегов город походил на какую-то жалкую лягушку, которую переехало тележное колесо. Фирвальден — огромное княжество, затерявшееся среди дремучих лесов и бескрайних полей, — место много лучше, чем думают его жители. И душ здесь встречается гораздо меньше, чем в других областях.

За всю дорогу до постоянного двора я увидел лишь одну — бледный мальчишка лет десяти, раскинув руки, бродил по коньку крыши пекарни. Заметив мой взгляд, он помахал рукой. Я, сам не знаю почему, улыбнулся.

Проповедник появился внезапно, как это обычно и бывает, вытер кровь, стекающую по щеке.

— Жители напуганы, — сказал он мне, наблюдая за прохожими.

— Я уже заметил.

В воздухе пахло едва сдерживаемым страхом, и этот запах, едкий, словно лошадиный пот, и опасный, как бешеный волк, постепенно захватывал мысли горожан.

Владельцем постоянного двора оказалась женщина. Она без проблем нашла мне комнату в мансарде, под самой крышей, где из высоких треугольных окон прекрасно было видно улицу, соседние дома с ажурными занавесками за стеклами и множеством цветочных горшков на подоконниках. Все цветы были яркими, веселыми и милыми, но из-за витавшего в городе страха казались попавшими сюда из какого-то другого мира.

Я бросил саквояж на стол, открыл его, задумчиво посмотрел на содержимое.

— Как думаешь, что здесь происходит? — Проповедник расположился на стуле.

Я глянул на его желтоватое, покрытое морщинами лицо.

Вместе мы уже девять лет. Я нашел душу под Мальмом, когда наемники его величества Александра-Августа сожгли несколько деревень. Проповеднику не повезло. Какой-то урод раздробил ему висок ударом рукоятки палаша.

— Скоро узнаю. Пойдешь со мной?

— Не хочу,— мотнул он головой.

Ну и отлично. Во всяком случае, хоть немного отдохну от его назойливого общества.

Во дворе стало заметно, что небо сильно потемнело. Ветер, налетевший на город, бился лбом в изящные флюгера, заставляя те крутиться, словно механические волчки.

Гремело почти каждую минуту, улицы опустели, а запах страха стал еще более едким, чем прежде. Разумно было бы спросить, что случилось, у первого же встречного, но по своему опыту я знаю — требуется опросить как минимум десять человек, чтобы хоть один из них рассказал хотя бы половину истины, а не сказки и досужие домыслы.

Так что я решил потерзать свое любопытство еще совсем немного и узнать все от авторитетных людей. Такие, на мой взгляд, должны пребывать в ратуше. Сегодня была пятница, последняя неделя месяца, а значит, в государственном учреждении будут те, кому можно задать нужные вопросы.

Когда я пересекал площадь, начался дождь. Тяжеленные капли с громкими шлепками падали на мостовую, разлетались мелкими брызгами на мои сапоги. Их ленивое падение позволило мне дойти до дверей практически сухим и спрятаться под козырек в тот момент, когда небеса лопнули и столбы воды обрушились на Вион, словно во время великого потопа.

Двое стражников, которых я уже видел возле овощного рынка, удивились моему визиту.

— Куда? — спросил седовласый ветеран с лихо закрученными усами.

Я молча откинул куртку, показывая висящий на поясе кинжал.

— Покажи.— Он и бровью не повел.

Я вытащил оружие из ножен, протянул ему. Стражник изучил черное, обоюдоострое, узкое, хищное лезвие, в толще стали которого бушевал целый океан тьмы, посмотрел на рукоять, набалдашник которой был из настоящего звездчатого сапфира, вернул мне.

— Вы очень вовремя. Я провожу.

Он плечом толкнул дверь, придержал ее для меня, провел пустыми, полутемными коридорами на второй этаж.

— Подождите, я скажу, что вы пришли.

Провожатый оставил меня в одиночестве, и я смотрел, как по стеклу текут реки воды, а противоположная сторона площади превращается в серое, размытое пятно. Ну и хорошо. Жара последней недели была порядком утомительна. Особенно если находишься в дороге. Надеюсь, что хоть теперь станет немного прохладнее и рубашки перестанут липнуть к телу.

Дверь распахнулась, и ветеран пригласил меня войти. Сам он остался снаружи.

В большом зале с широченными окнами стоял длинный стол. За ним восседали пятеро мужчин.

Двое были благородными, это видно и по одежде, и по их хмурым лицам. Еще один — лысый старик с сильными, крепкими руками, судя по муцету¹, каноник, член местного соборного капитула. Рядом с ним — тучный мужчина с эмблемой торговой гильдии на парадной ленте, вряд ли уроженец этого княжества, скорее всего, сигизец или илиатец. И последним, во главе стола, восседал широкоплечий господин с густой бородой ржавого цвета и тяжелой парадной цепью мэра на шее. Он сразу взял быка за рога:

— Вы позволите увидеть ваш кинжал, господин..?

— Господин Людвиг. Людвиг ван Нормайенн. — Я вытащил оружие, положил на полированный стол, толкнул его вперед.

Человек с цепью поймал клинок, изучил с разных сторон, взглядом спросил, хотят ли все убедиться в том, что я действительно тот, за кого себя выдаю. Легкие отрицательные покачивания головами были ему ответом. Что же, тем лучше. Кинжал вернулся ко мне, скользя по столу, точно по льду. Я ловко убрал его обратно в ножны.

— Присаживайтесь. Желаете вина?

— Благодарю.

¹ Муцет — длинный жилет серого или черного цвета, обшитый фиолетовым шнуром.

Мэр самолично встал из-за стола, взял кувшин, чистый бокал, налил мне красного терпкого:

— Вы из Альбаланда?

— Верно.

— Довольно далеко от нашего княжества. Что вас привело сюда?

— Интуиция.

Он хмыкнул:

— Тогда нам повезло, что Бог направил вас сюда. Я — господин Отто Майер, мэр Виона. Это члены магистрата, благородные господа Вольфганг Шрейберг и Хайн Хоффман. Каноник Карл Вернер и представитель Лавендузского союза господин Гельмут Подольски. Сегодня в городе случилось немыслимое. На старом кладбище, что возле часовни Святой Маргариты, произошла пляска смерти.

Его тяжелый взгляд уперся в меня, но я лишь осторожно ответил:

— Такое случается. Кто-то пострадал?

— Нет. Но страху натерпелись. Город в ужасе. Многие боятся выходить за пределы стен.

Особого ужаса я не заметил, но мэру виднее.

— Что-то заставило мертвых подняться, господин ван Нормайенн. И городской управе очень бы хотелось, чтобы в Вионе все стало тихо. Как прежде.

На улице грохотал гром. Сухо, с надрывом, словно пушки на поле боя. Я отпил вина, исключительно в порядке вежливости, и поднял взгляд на напряженные лица:

— У вас происходит пляска смерти. На кладбище со святой землей. А что же Псы Господни? Это их работа. Не моя.

— Городской инквизитор сейчас в отъезде. А вы — страж душ.

— Это немного разные вещи, — с сожалением покачал я головой. — Но я посмотрю, что можно сделать, и попробую вам помочь.

— Замечательно. Город в долгу не останется.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

Еще бы они мне не заплатили, когда скелеты пляшут возле изгороди «Две коробочки» или «Пастуший танец».

— В последнее время в городе происходило еще что-нибудь необычное?

— Необычнее totentanz? — невесело усмехнулся Отто Майер.— Не думаю.

— Крысы покинули город,— неожиданно сказал купец Подольски.— На моих торговых складах вот уже две недели ни одной серой твари, а раньше — кишели. И у конкурентов та же история.

— Уже что-то.

Хайн Хоффман, тонкогубый субъект в дорогой одежде, при шпаге и рубиновых пряжках ветерана Лезербергской кампании, перестал изучать свой бокал с вином и произнес:

— Не только крысы ушли, почтенный Подольски. Не только... Душ тоже почти не стало. Вы должны это были заметить, господин ван Нормайенн.

Я помедлил, стараясь скрыть удивление:

— Видящие — большая редкость.

— Я не Видящий.— Он тоже помолчал.— Но вот моя жена обладает толикой такого дара. Конечно, не столь сильного, как у вас, стражей душ, но достаточного, чтобы иногда замечать тени, которые обитают рядом с живыми. Она мне рассказала об изменениях в городе.

Я сделал себе заметку поговорить с какой-нибудь душой. В первую очередь с Проповедником. Он-то должен был хоть что-то почувствовать. По одному эти события выглядят не так, чтобы важно, но все вместе, одновременно, заставляют задуматься.

Нечто происходит. Нечто непонятное и странное. Я чувствовал, как у меня сосет под ложечкой. Обычное состояние перед тем, как мне на голову рушатся неприятности. Стоило послать всех к черту и отправиться своей дорогой, благо я здесь проездом, но не по-людски это, бросать целый город. К тому же Проповедник мне потом плешь проест. Он, несмотря на свой гнусный характер (из-за которого, кстати говоря, больше не жилец), — добрая душа и моя ходячая совесть, которую крайне тяжело заткнуть.

— Нужен ли вам аванс? — спросил мэр.

— Нет. Я не смогу назвать вам цену, пока не определю, в чем проблема. Когда понадобятся деньги, я сообщу.

— Какая-нибудь помощь?

— Если потребуется, дам знать.— Я встал.— Спасибо за вино. Доброго вечера.

Они попрощались. В глазах троих была надежда. Купец смотрел с сомнением. Каноник мрачно. Он бы предпочел, чтобы с этим разбирались Псы Господни.

Представьте себе, я тоже.

Дождь лил, не переставая, вода текла по сточным канавам, пенилась в них, забирала с собой всю грязь с мостовых. Улицы были пустыми и пахли, несмотря на свежесть, все так же едко и неприятно. Страх никуда не исчез. Лишь спрятался в закоулках, пережидая ненастье. Пока я добрался до постоянного двора, из меня можно было выжать пару морей, и еще останется на несколько больших озер.

Когда я вошел внутрь и колокольчик звенькнул, привлекая внимание хозяйки, я сказал ей:

— Горячей воды, горячего вина, сухих полотенец и какой-нибудь еды. Все принесите в комнату.

Она наконец-то увидела звездчатый сапфир на рукояти кинжала, ее глаза округлились, и женщина разом повеселела:

— Сейчас все будет готово, господин Людвиг.

Вот так всегда. Часть людей боится таких, как я, из-за нашего дара видеть и уничтожать вольные души. Часть ненавидит. Но когда какая-нибудь озверевшая душа начнет вредить живым или еще что-то случается — я сразу становлюсь желанным гостем. Впрочем, чести ради, надо сказать, что большинство разумных людей относится к стражам душ вполне спокойно. В отличие от тех же Псов Господних, мы стараемся приносить как можно меньше проблем.

Оставляя за собой огромные лужи, я вошел в комнату. Здесь кое-что изменилось. Проповедник валялся на моей кровати и слушал, как дождь барабанит по подоконнику. А за столом сидело Пугало. Оно подняло на меня взгляд, кивнуло и не проронило ни слова. Быть может, не

хотело разговаривать. А может, не умело. С одушевленными никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Хозяйка вместе с юной дочкой принесла мне полотенца и воду, конечно же не заметив других своих «постояльцев». Пугало тут же заинтересовалось девчонкой и не спускало с нее взгляда, пока та не ушла.

— Даже не думай,— сказал я ему ровным тоном.

Оно помедлило, опустило плечи, признавая мое право давать ему такие приказания, достало серп и начало очищать его от ржавчины. Я был рад, что мы решили кое-какие вопросы сразу.

Пока я менял одежду, вытирался и приводил себя в порядок, принесли еду.

— Почки,— сказал Проповедник мечтательно.— И фасоль с томатами.

Я отстегнул пояс с тяжелой пряжкой, бросил его вместе с кинжалом на кровать и пересказал им разговор в ратуше.

— Я ничего не чувствую, если ты к этому,— поднял руки в обезоруживающем жесте Проповедник.— Видит Бог уже девять лет, совсем ничего.

Он рассмеялся, довольный собственной, неказистой шуткой, затем стал более серьезным и, размышляя, протянул:

— Все это, конечно, странно, Людвиг, но души могли уйти по множеству причин.

— Угу,— мрачно сказал я, орудуя вилкой и ножом.— Отправиться в паломничество к святым мощам. Куда-нибудь в Дискульте. Не мели чушь. Что-то произошло, и они сочли нужным убраться как можно дальше и быстрее. Город пуст — я чувствую это.

— Ну, не так уж он и пуст. Помнишь того мальчишку на крыше?

— Предлагаешь мне в такую погоду лазать на уровне четвертого этажа?

— Упаси боже, сын мой. Чего доброго, ты свернешь себе шею, и тогда я точно помру со скуки.

Пугало в разговоре не участвовало. Оно точило серп.

К утру гроза закончилась, уползла на запад, уже не в силах даже ворчать. Выглянувшее из-за облаков солнце озарило мокрые алые крыши, приведя в восторг уличных голубей.

Проповедник и Пугало отсутствовали. Я быстро оделся, спустился вниз, отказался от завтрака и поспешил к западным воротам через толчею, которая здесь образовалась из-за субботнего рынка, заполонившего весь городской центр. Запах страха был тут же, но гораздо более слабый, чем вчера. Он сменился тревожным ожиданием. Я видел и слышал, как люди обсуждают произошедшее накануне событие, поминутно крестясь и призывая святых заступников.

Они искренне полагали, будто это защитит их от зла. Не буду преуменьшать силу божественной молитвы, даже если ее читает не клирик, а обычный человек, но у меня большие сомнения, что подобное средство поможет остановить следующую пляску смерти. Как говорится, раз уж начались танцы, то продолжаться они будут до бесконечности.

С праздничной гулянкой мертвецов в последний раз я встречался в кантоне Люс, когда в одной деревеньке скелеты ни с того ни с сего решили сплясать на Сретение, да еще затащить в свою пляску забаррикадировавшегося в церкви священника. Чем он им насолил, вот уж не знаю, но Псы Господни в два счета уложили «клиентов» в могилы. Сам я в подобном усмирении участия не принимал, хотя и имел необходимый опыт. Веселые скелеты — не моя основная работа. Я страж душ. Ловлю и уничтожаю тех, кто причиняет зло людям.

— Тебе следует расширить список своей охоты, — заявил появившийся рядом Проповедник. — Души — божьи агнцы по сравнению с живыми. Вот уж кто причиняет зло друг другу в неисчислимых количествах.

— Если я иногда позволяю слушать мои мысли, то это не значит, что ты должен каждую из них комментировать.

— Ну, комментарий всяко верный, Людвиг, — усмехнулся он, затем участливо спросил: — Ты завтракал?

— Нет.

— Вот именно поэтому ты поутру такой злой. Идем, тебе следует поесть.

Я заворчал, но зная, что он прав, зашел в неплохой трактор, замеченный мной во время прошлого приезда в Вион. Здесь готовили отличную яичницу с белыми грибами и сыром. Да и пиво, темный июльский лежак, было выше всяких похвал.

Пока несли еду, Проповедник расправил сутану, на которой и так не было никаких складок, по-птичьему склонил голову набок и, хлопая глазами, начал рассказывать:

— Душ, действительно, немного. Я спозаранку обежал город, за что можешь сказать мне спасибо... — Он сделал паузу.

— Спасибо.

— Но встретил лишь троих. Все пришьлые, появились или вчера, или сегодня. Одна, достаточно аппетитная дамочка, если бы ее двести лет назад не переехала телега, даже видела totentanz собственными глазами. В общем, из наших никто ничего не знает. Впрочем, двое, проведая, что здесь страж душ, решили убраться, пока целы.

— Ты явно расписал меня как чудовище.

Проповедник соорудил грустную мину, дождался, пока передо мной поставят тарелку, и заметил:

— Тебе прекрасно известно, что некоторые из вас уничтожают каждого, кого увидят. Слишком велик куш, для того чтобы пройти мимо. Ты — большое исключение из правил.

— Если ты думаешь, что заставишь меня краснеть, то глубоко ошибаешься. Тебе случайно не попался мальчишка?

— Видел. На звоннице. На самой вершине шпиля. И он не планировал спускаться вниз.

— Что мешало тебе подняться наверх? Судя по всему, эта душа из местных.

— Я боюсь высоты с тех пор, когда был ребенком.

— Ты не можешь умереть, упав сверху.

Он скорчил мину и промолчал. Я понимал, что от неко-

торых старых привычек нельзя избавиться даже после смерти. Знал я одну даму, которая при виде мышей падала в обморок, хотя уже лет восемьдесят как была мертва.

— А что Пугало? — Я глотнул пива.

— Ушагало еще до рассвета. Куда — не ведаю. Оно, знаешь ли, не слишком разговорчивое. Лучше б ты пригласил какую-нибудь девицу. Хотя бы глаза радовались.

— Мне нужна была не душа, а одушевленный.

— Кстати, в колокол на соборе Святого Николая вселилась какая-то, прости Господи, паскуда. Кто-то из темных. Очень нехороший.

Я кивнул, отмечая для себя, что надо сказать об этом мэру. А там уж пусть каноник ладаном машет или инквизиция свои фокусы устраивает. Злой одушевленный в соборном колоколе — крайне неприятное соседство. Подобный звон настраивает людей отнюдь не на божественный лад. Скорее наоборот. Горожане становятся жестокими и раздражительными. И начинают болеть. Конечно, не сразу. Для этого должны пройти годы, но чем быстрее избавиться от подобного одушевленного предмета, тем лучше для всех.

— Что мы имеем, — сказал я, вытирая рот салфеткой. — Из города ушли крысы, словно корабль собирается пойти ко дну.

— Очень образное сравнение, сын мой. Очень образное. Крысы — темные существа, и в них есть частичка души, хотя светлой назвать ее язык не повернется. Когда случаются беды, крысы, наоборот, приходят, но не уходят. Во время чумы сорокалетней давности, говорят, они текли по улицам, словно река.

— Крысы уходят, только если им грозит опасность. Что их могло напугать — вот в чем вопрос.

— Что-то достаточно серьезное, чтобы я начал чувствовать себя неуютно, Людвиг. Раз другие души разъехались, значит, и для нас здесь небезопасно.

— Итого мы имеем бегство крыс, душ и пляску смерти. Великолепный наборчик, ничего не скажешь.

— У тебя хоть какие-то догадки есть? — грустно спросил он.

— Я простой страж, Проповедник, а не теоретик магии или религиозный теолог. С подобным я никогда не сталкивался, и точка. Клянусь моим кинжалом, давно я так не жаждал, чтобы поблизости оказался какой-нибудь инквизитор.

— Все как обычно — инквизитор за порог, черт в дом.

— Не накликай.

— Его уже накликали и без нас, — возразил он мне.

— Людвиг ван Нормайенн?

Мужчина, подошедший к моему столу, был одет как законченный модник. Думаю, его костюм обошелся в целое состояние, на которое я мог бы кутить бесконечно долгое время. Одни алые лакированные башмаки чего стоили! А если говорить о серебряных пуговицах на сюртуке отличнейшего качества и бриллиантовых запонках на рубашке из настоящего саронского шелка... М-да. Этот господин умел привлечь к себе внимание. Моим он завладел безраздельно.

— Не имею чести быть знакомым.

— Называйте меня Александром.

Судя по его холеному лицу и шляпе с пером, за Александром тянулось еще, по меньшей мере, три-четыре имени и длинная родовая фамилия, включающая какой-нибудь титул.

— Могу я присесть?

Я пожал плечами. В последнее время этот жест входит у меня в привычку. Насмотрелся на Проповедника.

Незванный гость легонько стукнул короткой тростью по стулу, где все еще сидел мой невидимый спутник, и холодно спросил:

— Вы позволите?

Когда стул освободился, визитер с удовольствием сел, а я заинтересовался им чуть больше, чем раньше. Человек видит души, и он не страж. Взгляд совсем другой... Да нас не так и много, чтобы позволить себе не знать друг друга. Следовательно, выходит, что он либо от инквизиции, из Видящих (хотя для клирика наряд у него довольно странный), либо из Носителей Чистоты...

Я ошибся. К Носителям — этим сумасшедшим идиотам, которых давно следовало удавить из-за того, что они обожали убивать всех, кто может общаться с душами, считая, что таким образом люди набираются грехов — он тоже не относился.

На серебряном жетоне, порядком затертом и потемневшем, который он протянул мне, были выбиты цифры и фраза «Lex p̄ioḡia»¹.

— Это, так сказать, чтобы не ходить вокруг да около, — улыбнулся он.

Мне этот господин не понравился сразу, в первую очередь исключительно из-за близко посаженных маслянистых глаз. Я ждал подвоха и дождался его.

— Чем я заинтересовал «Lex talionis»?²

— Простые формальности.

— Настолько простые, что, судя по номеру на вашем жетоне, со мной ведет беседу один из высших жрецов Ордена Праведности?

Он тонко улыбнулся, и его улыбка говорила, что особых объяснений я не дождусь. Положив трость на стол, мужчина спросил:

— Вы вчера приехали в наш замечательный город?

— Верно.

Думаю, он и так это прекрасно знал.

— Позвольте дать вам полезный совет?

Я почему-то подумал, что его совет мне понравится куда меньше самого советчика. Так и случилось.

— Уезжайте из города, господин Людвиг. Сейчас вы здесь совершенно ни к чему. Оставьте это дело Псам Господним. Ваша работа — ловить опасные души. А здесь, кроме этого унылого священника, я уже неделю не видел ни одной.

— У меня возникает вопрос, почему Орден Праведности столь обеспокоен какой-то банальной пляской мертвецов?

Александр рассмеялся, но веселья в его смехе было немного:

¹ Особый закон (*лат.*).

² Закон возмездия (*лат.*).

— Вы чужеземец. И не слишком хорошо понимаете местные законы. Возможно, у вас, в Альбаланде, все как-то иначе, и рядовой страж может полезть, как это говорят местные, собирать хмель в чужой огород, но мы следим за выполнением закона. А наш закон гласит, что не дело стража заниматься пляской смерти. Это не ваша область. Оставьте ее тем, кто в ней понимает. Инквизитор прибудет завтра.

— А до тех пор вы будете просто сидеть и смотреть, пальцем о палец не ударите?

— Орден надзирает за тем, чтобы стражи не злоупотребляли своей властью и не добирались до дармовой силы. Чтобы Носители Чистоты не покидали своей страны, а если покинули, то не входили в просвещенные города. И чтобы Видящие не чесали языками направо и налево о том, кто иногда живет среди нас. Но мы не занимаемся магией и... скажем так, странными божественными проявлениями.

Ага. Вот как это теперь называется — божественные проявления. Господь Бог щелкнул пальцами, и скелеты пустились в пляс во славу нашего Иисуса. Притом что подобные танцы на могилах — темные проявления. Стоило бы натравить на Орден церковников. За богохульство. Просто так. В качестве небольшой встряски.

— Слышали великолепный лозунг: «Ne poseas, si juvare non potes»? Не навреди, если не можешь помочь. А в этой истории вы совершенно бессильны. Сделаете только хуже. Так что послушайте мой дружеский совет. Уезжайте. С проблемой справятся и без вас.

— Очень ценю ваше дружеское расположение, господин Александр,— с иронией сказал я.— Но я обожаю Вион и мечтал здесь пожить недельку.

Он усмехнулся, встал из-за стола:

— Что же — живите. Но это дело оставьте.

Я вернул ему усмешку.

Мы друг друга отлично понимали.

— Сколько вы набрали лет жизни, господин Людвиг? — участливо спросил он.

— Боюсь показаться невежливым, но это не ваше дело.— Мой голос стал холоден.

— Разумный человек должен уметь использовать отпущенные ему дни, страж. Иногда, даже накопив большие деньги, ростовщик забывает, что он смертен. Мы ведь понимаем друг друга?

Очень хотелось воткнуть кинжал ему под подбородок и посмотреть в его глаза, но я лишь счастливо улыбнулся:

— Конечно. Я серьезно подумаю над вашими словами. Мне начинает казаться, что в них есть глубочайший смысл.

— Отрадно видеть разумного человека. Позвольте оплатить ваш завтрак. Всего доброго.

Он бросил на стол несколько монет, довольно крупных для того, чтобы покрыть еще обед и ужин, и ушел, поскрипывая своими чудесными алыми ботинками.

Можно сказать, что я клокотал от ярости. Этот разряженный хлыщ посмел мне угрожать, и это несмотря на то что Орден Праведности имеет право лезть в мои дела, только если я нарушу законы государства и стражей.

От них всегда несло падалью. Законники никогда никому не помогали, считая себя выше этого, словно стояли над всеми нами, людьми со способностями. ...Жрецы из *Lex rēgiōia* живут и варятся в собственном соку, сидя на деньгах княжеств и королевств. Корольки платят им, потому что боятся таких, как мы, и считают, будто подданные с особым даром, служащие государству за деньги и власть, смогут контролировать природу магии.

Стражи вынуждены соблюдать законы государства, в котором находятся. В большинстве своем — это достаточно легко, особенно если правительство не лезет в наши дела и не требует от нас невозможного. Мы миримся с социальными и политическими обстоятельствами. Лишь иногда они — досадная помеха в нашей работе. Но когда рядом появляется кто-то из Ордена Праведности, день, можно сказать, испорчен. Потому что слово «помеха» здесь совершенно не подходит. Эти ленивые ублюдки иногда готовы сесть тебе на шею и оттуда высказывать «бесценные» рас-

поряжения и руководства, прикрываясь правилами и законами.

Стражи душ стараются как можно дольше избегать внимания *Lex talionis*. И не злить этих господ. Чаще всего они знают и умеют гораздо меньше нас, но за ними государство, а этот зверь, даже если он всего лишь мелкое герцогство на задворках обитаемых земель, разорвет любого.

У Ордена есть силы, возможности и средства ловить тех, кого они считают преступниками. Деньги, людские ресурсы стражи и тайной полиции. Армия, наконец. Я помню, как в Южной Дискульте охотились на одного из нас, нарушившего негласные правила. Его обложили, словно волка, гнали к горам, а затем убили, и Орден повесил его голову на шест в самом центре столицы, чтобы все знали, что происходит с теми, кто идет против него.

— Ты намерен отступить? — прервал молчание Проповедник.

Я посмотрел на него с сомнением:

— Вроде ты уже давно ходишь за мной. Когда это я отступал без особой нужды?

— Думаешь, он спустит тебе неповиновение?

— Номинально я ничего не нарушаю. Как ты помнишь, городской совет сам нанял меня. Никаких преступлений. Он не может привлечь власти.

— Не будь наивным, Людвиг. Этот господин, дай ему волю, сам что-нибудь нарушит, а обвинит тебя.

— Я буду осторожен, — сказал я и поднял правую руку вверх ладонью, словно давал клятву. — Обещаю.

Мне следовало задуматься, почему Орден так всполошился лишь из-за появления стража в Вионе? Они настолько разнервничались, что снизили до угроз — это дорогого стоит. Мне стало любопытно, какой у них интерес в этом деле? Неужели, действительно, боятся, что я напортачу и здесь станет еще хуже? Вряд ли. Очень вряд ли. Господин Александр знает мое имя, а значит, должен знать и репутацию.

Тогда что им нужно? Почему Ордену так важно убрать

стража душ из города, раз они решили его припугнуть и даже не опасаются, что я доложу об этом своим?

Я не знал ответов на эти вопросы. Мне следовало быть поосмотрительнее и помнить о господине с жетоном высшего жреца.

Сенные ворота были заперты, что неудивительно. Кладбище возле часовни Святой Маргариты находилось за городской стеной, и стражники не желали, чтобы хоть что-то проникло оттуда сюда. Кроме засова какие-то ретивые люди додумались завалить врата бочками и перегородить телегами. Как будто это могло спасти их от мертвецов.

Воины сидели возле караулки и выглядели не слишком радостными оттого, что сегодня их направили торчать возле Сенных.

— Закрыто! — крикнул мне один из них, возившийся со смешным лохматым щенком.

Я показал ему кинжал:

— Открывайте.

Он крикнул начальника, уже немолодого сержанта с пропитым лицом. Тот лишь бросил взгляд на звездчатый сапфир, пожал плечами:

— Калитку откроем. Но возвращаться вам придется через другие ворота. Я не буду ломать голову, кто рвется с той стороны.

На том и договорились.

Стоило мне и Проповеднику выйти на дорогу, как стальная калитка за нами захлопнулась.

Чуть дальше, за большим мельничьим хозяйством, работающим даже сейчас, несмотря на близкое соседство с кладбищем, из-за березовой рощи, находящейся возле речного рукава, торчали башни Вионского монастыря малисок.

Монастырь был богатый и известный. Не только в Вионе. И не только в этом княжестве. Поговаривали, что церковь ссылает в него прогрессивно настроенных женщин из других церковных орденов. Но с учетом того, что женщины эти обычно из очень обеспеченных семей, средств белым стенам не занимать.

Кладбище находилось по дороге к монастырю. Здесь уже лет двадцать никого не хоронили, и оно пришло в некоторое запустение. Заросло бурьяном, подорожником, крапивой и шиповником. Старая часовня с посеревшими от времени стенами и давно уже не отпираемой дверью смотрелась тут совершенно уместно. Такое же забытое богом место, как и все, что находится вокруг.

Кладбищенскую ограду красили, наверное, во времена, когда людей на земле еще не было, настолько ржавой и убогой она была. За оградой торчало Пугало, рассматривающее могильные кресты.

— Ну надо же! — удивился Проповедник. — Кто бы мог подумать. Привет, соломенная голова!

Пугало его проигнорировало. Повернулось к нам сутулой спиной и пошло бродить между могилами, пока не скрылось за серым склепом, накрытым сверху плющом, словно снегом.

Погост был разорен, могильные плиты расколоты, комья земли разбросаны. Часть крестов и памятников покосились, а то и вовсе упали. Я остановился возле куста шиповника, на колючей ветке которого висел желто-коричневый обрывок ткани — все, что осталось от погребального савана. Множество следов костлявых ног на сырой после дождя земле говорили о том, что веселье здесь разыгралось не на шутку.

— Никогда не видел пляску смерти, — сказал Проповедник, с некоторой осторожностью взглянув в ближайшую от него разверзнутую яму.

— Значит, тебе повезло. Радость на подобном празднике напускная. Кости веселятся до той лишь поры, пока поблизости нет живых. Они утягивают прохожих в танец, а затем уводят за собой в могилу.

— Разумеется, кроме таких, как ты.

— Стражи им не по зубам. Плясать мы не слишком горазды.

Проповедник понимающе усмехнулся, провел сухим пальцем по своей окровавленной щеке.

— Впрочем, все, что я сказал выше о плясунах, относит-

ся лишь к стихийным порождениям силы. Когда она не направлена.

— Например, на город, — понял он.

— Ну, тут, скорее, все было наоборот, — подумав, произнес я, поглядывая на дыру в заборе и протоптанную через кустарник тропу. — Но в прошлом, когда Псы Господни еще не везде протянули свою длань, ведьмы натравливали пляшущие кости на неугодных.

— Прекрасно помню гравюры, где скелеты уводят епископа, девушку, короля и нищего за собой.

Между могилами снова появилось Пугало. Оно шло медленно, все так же сутулясь, и остановилось недалеко, прислушиваясь к нашему разговору. До моих ушей долетел отдаленный колокольный звон. Били полдень в центральном городском соборе. Клич его громкого, тяжеловесного колокола подхватили другие церкви, а затем, почти с минутным опозданием, загудели колокола в монастыре церковного ордена малиссов.

Пугало поежилось, ему было не слишком приятно ощущать этот звон, но, как я и думал, оно оказалось куда сильнее многих встреченных мною одушевленных. Впрочем, ничего удивительного, раз оно шастает по святой земле и не тает от этого.

Проповедник затянул «Oratio ad Sanctum Michael»¹, взяв за основу популярную в моем княжестве пастушью песню, но изменил свой голос на пару октав, отчего тот зазвучал очень жалобно и дребезжаще. Он смог завладеть вниманием Пугала, которое не ожидало такого поворота событий и теперь тарашилось на горе-певца из-под надвинутой на «лицо» шляпы.

Я с сомнением покачал головой:

— Гореть тебе в аду, приятель.

Проповедник даже не думал прерываться. Он любил петь и занимался этим, как только ему приспичивало прочитать молитву. На мой взгляд, по нему плакали все балаганы. Они потеряли потрясающего клоуна. Впрочем, боюсь,

¹ Молитва святому Михаилу Архангелу.

что долго Проповедник выступать бы не смог. За такие выкрутасы его б точно упекли в сумасшедший дом. Или сразу отправили к отцам-дознавателям.

Я внимательно изучил кладбище, обошел его по периметру, убедился, что все до одной могилы пусты. По сути дела, с места снялась и куда-то уперлась целая прорва мертвецов, никого не предупредив.

Одно я мог сказать точно, душами здесь и не пахло. А вот темной магией — сколько угодно. Это был аромат сырой дубовой коры и дегтя, едва ощутимый даже для меня, но, наверное, любой представитель инквизиции почувствовал бы его, не дойдя до ограды ста шагов.

Пугало зачем-то залезло в одну из могил, потопталось в ней, с шумом выбросило оттуда разваленные, гнилые доски и комья земли. Проповедник пожал плечами. Он не понимал, что происходит.

Я еще немного побродил по кладбищу, отмечая, что сторожка смотрителя выглядит столь же запущенной, как и весь погост. Затем нарисовал несколько *фигур*, орудуя мелом по уцелевшим поверхностям могильных плит, и смог выяснить, где использовали магию подъема.

Нигде.

Судя по *фигурам*, никакого ритуала здесь не проводили, и стихийный всплеск произошел по совершенно неясной для меня причине.

— Вид у тебя такой, словно ты обнаружил в карманах пропажу денег.

— Что-то в этом роде. При подобных всплесках *totentanz* не выходит за пределы погоста. Но, как видишь, мертвецы ушли. Такое бывает только во время ритуалов или если ограда не освящена.

— Она освящена.

— Знаю. Уже проверил. Что заставило уйти кости — смогут понять только слуги Церкви. Они большие специалисты в делах борьбы с колдовством и чертовщиной.

Подошло Пугало, поманило меня за собой с загадочным видом, скалясь своей застывшей, жутковатой улыбочкой.

— Не слишком разумно, Людвиг! — предупредил Про-

поведник. — Я бы сказал, даже опрометчиво. Разумеется, для тебя.

— Пугало право. Следует прогуляться по лесу.

— Не желаю видеть мертвых в таком ничтожном и несчастном виде. Не по-божески это, зреть детей Господа в столь жалком состоянии.

— Считаешь, что, когда придет Судный день и наступит Всеобщее воскрешение, они будут выглядеть лучше? — с иронией спросил я.

Вместо ответа он пропел, кстати говоря, достаточно мелодично:

— *Lacrimosa dies illa qua resurget ex favilla judicandus homo reus...*¹

— Ну, так оставайся здесь или иди на постоянный двор, — не выдержал я.

— Учти! Помрешь, останутся твои кости среди берез и осин! — кричал он мне уже в спину.

Я махнул ему рукой, и он, повысив голос, начал петь гимн с самого начала. Странное зрелище для тех, кто *видит*. Душа священника с окровавленным лицом бродит по разоренному кладбищу и вдохновенно поет о Дне Гнева. Хочешь не хочешь, а поверишь во Второе пришествие.

Лес жил своей жизнью. Шелестели старые березы, журчал чистый, начинающийся с ключа на заливному лугу ручей, полз мимо корневищ рогатый жук с лаковым панцирем, слышался отдаленный крик кукушки.

Вот уж кто — пророчица смерти. Плохая птица. Темная. Куда хуже тех же самых ворон, которых принято ругать и относить к слугам Дьявола. По мне, так кукушка может принести бед гораздо больше, чем целая стая черных птиц. Надо всего лишь задать неправильный вопрос, а потом расхлебывать последствия. Если, конечно, успеешь их расхлебать, прежде чем на тебя обрушатся глад, мор, саранча и какая-нибудь озверевшая душа в придачу.

Тропа от сотен прошедших ног никуда не делась. Петля-

¹ «О, тот день слёз, когда восстанет из праха виновный грешный человек...» «*Dies irae*» («День Гнева») — церковный гимн.

ла в подлеске, уводя меня в самую чашобу. Был яркий день, так что я не слишком опасался каких-нибудь неприятностей, лесных духов или иных существ, планируя выбраться отсюда еще задолго до заката.

Пугало тащилось следом за мной, шагах в двадцати, то появляясь из-за деревьев, то отставая. Странное оно все-таки. Пользы от него, скорее всего, ни на грош, но я был рад его компании и тому, что здесь не один.

Из-под ног выскочила серая крыса, вильнула голым розовым хвостом и скрылась в траве. Было видно, как пригибаются травинки там, где она бежит. Что же. Значит, не одни мертвые подались в леса. Крысы из Виона тоже решили немного побыть в единении с природой.

Лес стал гуще, пропали залитые солнечным светом полянки и просеки. Перестали встречаться вырубки. В большом количестве появились звериные тропы и следы. Местность постепенно менялась, начались осины, я стал спускаться в низину, как раз вдоль ручья. В некоторых местах она оказалась заболоченной, пришлось искать обходной путь.

Первое бело-желтое пятно я увидел совершенно случайно, когда повернул голову направо. Присмотрелся, прищурив глаза, и разглядел сидевший на пеньке скелет. Тот не двигался. Поправив пояс, чтобы кинжал был под рукой, я поспешил в эту сторону и был вознагражден нелепой картиной.

Лес был запружен мертвыми. Старые кости, непонятно как соединяющиеся друг с другом, находись везде, куда ни кинь взгляд. Некоторые лежали, словно спали,— часть из них оказалась присыпана серыми, прошлогодними листьями. Другие стояли, третьи сидели, а четвертые даже висели, зацепившись руками или ногами за нижние ветви деревьев, словно постиранное, а теперь сушащееся белье. Где-то поодиночке, а где-то и группами, мертвые захватили этот участок леса, не желая спокойно лежать в могилах.

Никто из них не шевелился, хотя мой дар позволял чувствовать, что они не совсем мертвы. Я шел, поглядывая по сторонам, скорее с любопытством, чем с опаской или от-

вращением. Некоторые скелеты оказались большими оригиналами и застыли в величественных позах, или совершенно смешных, или гротескных.

Вот мыслитель сидит на камне, подперев костяным кулаком желтую скулу. Здесь — юноша фехтует невидимым клинком, застыв в *Bedrohe mit Zornort*¹. А эта парочка самозабвенно целуется, слившись в костлявых объятиях и соприкоснувшись друг с другом оскаленными улыбками. Там, дальше, поэт декламирует свои вирши на радость десятку восхищенных слушателей. А возле кособокой осины беседуют о чем-то два почтенных мужа. И рядом с ними, упав крестом, замаливает грехи какой-то монах. Чуть дальше — пахарь с невидимым плугом, сразу за ним, рядом с покрытыми мхом камнями, женщина баюкает несуществующего младенца.

Их было чертовски много, этих мертвецов.

Когда я проходил мимо, несколько черепов повернулись в мою сторону, и теперь я шагал, провожаемый взглядами пустых глазниц. Пожелтевший скелет, где-то потерявший левую руку и большую часть ребер, увязался следом за мной, привлек внимание еще двоих, судя по позам, резавшихся в кости, но эта троица довольно быстро отстала, отвлекшись на порхающую между деревьями бабочку-капустницу.

Некоторые из «лесных гостей» были обряжены в остатки погребальных саванов, но большинство скелетов оказались просто голыми. На них не было видно даже малейших признаков плоти.

Достаточно далеко от того места, где я находился, между деревьями я заметил женщину. Она была невысокой, крепко сбитой, в сером жилете и длинной юбке. У нее были грязные, невымытые, растрепанные седые волосы, крепкие руки с облупленными ногтями и творожисто-белое, рыхлое лицо, на котором не оказалось ни глаз, ни носа, лишь обрюзгший рот — на гладкой, словно коленка, коже.

Я цокнул языком. Убавляющая мясо. Экая неприят-

¹ Угроза гневным острием (одна из стоек в фехтовании мечом).

ность. Вот уж кого не думал здесь встретить. В любом другом случае я не оставил бы ее у себя за спиной и исполнил бы свою работу, но сейчас, уничтожая душу, я рискую взбаламутить это тихое царство. Неизвестно, сколько придется успокаивать пляски и хватит ли у меня на это сил.

Поэтому я прошел мимо, дав себе слово вернуться и прикончить мечущуюся душу прежде, чем она кого-нибудь убьет. Но, к большому удивлению, впереди, прямо на своем пути, я увидел еще двух убавляющих мясо. Они играли в чехарду, с каким-то остервенением прыгая через спины целой вереницы скелетов. Пугало ими нисколько не заинтересовалось, прошло мимо, направляясь в самую густую часть чащобы. Туда, где мертвых было особенно много.

Заметив меня, души перестали развлекаться, переглянулись и сделали шаг в мою сторону. Я без суеты достал кинжал. Увидев черное лезвие, они остановились, еще раз посмотрели друг на друга. Было понятно, что между ними происходит какой-то разговор.

Наконец, они отошли в сторону, уступая мне дорогу, и вновь занялись своими странными играми. Я чувствовал их голод и желание убить меня, но также — их страх. Убавляющие не слишком разумны, в том смысле, что некоторые другие злые сущности предпочитают убраться как можно дальше, если я оказываюсь рядом. У этих же тварей чувство самосохранения почти отсутствует.

Я помянул Дьявола, когда увидел сидящую в траве четвертую убавляющую. Эта полировала снятый с ближайшего скелета череп, нежно протирая его краем подола своей изодранной юбки. Четыре души вместе, когда их и по одной-то редко встретишь. Что могло заставить подобных созданий собраться?

Я резко обернулся и увидел, что к тем, что играли в чехарду, присоединилась первая, и теперь все трое смотрят на меня. Впервые я почувствовал себя несколько неуютно.

— «Уходи, пока цел», — прозвучал у меня в голове голос Проповедника.

Разумеется, никакого Проповедника и близко не было, он остался далеко на кладбище, а все это — лишь мое ра-

зыгравшееся воображение, но я решил принять превентивные меры. Достал из кармана мелочь, не глядя, бросил ее себе за плечо, скороговоркой пробормотав нужные слова. Теперь, если они пойдут за мной, монеты их останоят.

Полировавшая череп оторвалась от своего занятия, ее безликое лицо оказалось покрыто отвратительными язвами. Меня так и подмывало прикончить убавляющих, но и эта агрессии не проявила, поэтому я, повернувшись к ним лицом, отступал спиной, пока все четверо не скрылись из виду.

Черт знает что происходит! Столько тварей раньше я видел только на полях сражений. Им здесь нечего делать. Ни плоти на мертвых, ни беззащитных живых. Впрочем, вполне возможно, что они обитали на старом кладбище, и пляска смогла закружить и их, притащив в лес.

Кажется, я пришел в самый центр сборища мертвых, потому что количество черепов на поляне превышало все возможные пределы. словно грибы после дождя. Затхлый запах костей заглушал другие ароматы. Пугало, не шевелясь, торчало у кромки леса, отвернувшись от меня и склонив голову набок, словно к чему-то прислушивалось.

Понимая, что ходить мимо костяков можно довольно долго, я спросил у первого же скелета:

— Я ищу вашего короля. Где он?

Тот щелкнул челюстью, даже не повернувшись в мою сторону. Зато его сосед поднял руку, указав мне нужное направление.

Король *totentanz* при жизни, наверное, был рыцарем. Во всяком случае, в руке он держал ржавый фламберг, а на голове его торчал помятый хундсгугель с поднятым забралом. Да и осанка у его величества была прямой, словно в позвоночный столб вбили кол.

— И что вам в земле не лежит, как всем приличным мертвецам? — спросил я у него. — Город перепугали, кладбище стоит пустое. Нехорошо.

— Не стражу нас учить, что делать и как спасти себя, — прозвучал у меня в голове шелестящий шепот короля. — Мы не вернемся, пока это не кончится.

— Не кончится что? — не понял я.

— Не кончится то, зачем они это делают.

Добиться вразумительных ответов у меня не получилось. Точнее, король не собирался их давать. Я поборол раздражение, подбирая в голове подходящие слова. С подобным явлением я мог только разговаривать, как какой-нибудь обычный человек. Оно не обязано мне подчиняться или отвечать на вопросы. Я не Пес Господень, чтобы кости при моем приближении прыгали как шелковые и выполняли любой приказ, в том числе и «марш обратно в могилу».

Но спросить я ничего не успел, потому как из-за деревьев появились четверо убавляющих плоть. Еще три, те самые, которых я видел раньше, вышли с другого конца леса. Одна отсутствовала, моя мелочь ее все-таки задела.

— Беги,— равнодушно сказал король мертвецов.

Я, оскалившись, ничуть не хуже, чем он, крутанул кинжал меж пальцев.

Семеро! Развелось рядом с Вионом гадин! От них уже не скроешься. Догонят, выпьют жизнь, и поминай как звали.

Одним движением руки в воздухе я расчертил на земле широкого «осьминога». Король, кажется, усмехнулся, но говорить ничего не стал. Пугало как назло куда-то делось, впрочем, помочь бы оно мне не смогло при всем своем желании. Очень немногие одушевленные умеют причинять вред душам. Да еще таким сильным и злобным.

Они уже неслись на меня, выставив руки со скрюченными, грязными пальцами. Я хлестанул по воздуху кинжалом, начертил спираль, и передо мной появился длинный золотой шнур. Схватив его, я что есть сил дернул на себя, и пространство с одного бока собралось складками, выпятилось пузырем, искажая вид всего, попадающего в него. Я тянул и тянул, напрягая мышцы, а затем, когда тройца почти добежала до останавливающей *фигуры*, отпустил шнур.

Пространство распрямилось с потрясающей скоростью, разгладилось и тут же громко хлопнуло. Оно стало тетивой, а злобные души арбалетными болтами. Им хорошенько врезало, и они полетели в обратном от меня направлении.

Что с ними стало дальше, я не смотрел, потому что четверка с другой стороны уже достигла нарисованного «осьминога».

Как только первая из них пересекла границу, так сразу начала «дымиться». Фигура пила из души ее силу, то, что сдерживает убавляющую в нашем мире. Но слишком медленно. Чтобы исчезнуть, призрачной женщине требуется находиться на этом месте больше двух минут, а у меня нет столько времени.

Я с разбегу ударил ее плечом, а затем локтем, и взятый обратным хватом кинжал вошел в ее тело. Она взвыла и *перетекла* в клинок.

Мгновенная дрожь в руках, легкий приступ тошноты, звон в ушах. Некогда обращать внимание на такие мелочи.

Три ее товарки уже были в круге. Резко подняв руку, я направил на них открытую ладонь, и ближайшая ко мне убавляющая тут же упала на землю, дергаясь и пытаясь встать. Из-под нее вверх уходил пар, словно она была рыбиной, попавшей на раскаленную сковороду.

Вторая бросилась мне в ноги, и я ударил ее в лицо сапогом, одновременно воткнув кинжал в шею третьей.

«Остались пятеро!» — промелькнуло у меня в голове.

На плечи рухнула тяжесть, я почувствовал, как ломит виски, как двоится зрение, скороговоркой произнес фразу, взмахнул руками, плеснув невидимым для человеческого глаза пламенем на тех, кого отправил с помощью золотого шнура прочь и кто слишком быстро успел вернуться. Кинжалом резанул повисшую у меня на плечах, что есть сил крутанулся, освобождаясь от хвата, перекатился по земле и вбил свое оружие в сердце той, что была пригвождена к земле.

Сверху на меня упала еще одна тварь, обхватила руками шею, пытаясь задушить. Я взревел, видя, как к ней спешит подмога. Ситуация складывалась — хуже не придумаешь. Я терял силы, словно пробитый пулей бурдюк с водой, а их все еще было много. Чертовски много.

На пределе своих возможностей, встав на ноги, я тут же рухнул на спину, придавливая душу к земле, заставляя ее

всем телом ощутить начертанную *фигуру*. Помутневшее зрение отметило прыгнувшую тень. Машинально я выставил кинжал, позволив ей напороться на него, ощущая, как клинок трясется от переполнившей его силы. Кто-то вцепился мне в ноги и я, теряя сознание, активировал *фигуру*, созданную мной еще накануне вечером.

Земля просела от удара, взвыло, в воздухе закружились *знаки*, каждый из которых падал на души, впивался в их плоть, ослаблял. Ту, что сидела на моей груди, снесло. Я почувствовал, как захват на шее ослаб, саданул назад локтем, поднялся и, развернувшись, опустил кинжал на гадину.

Это потребовало от меня, порядком выпитого душами, просто нереальных сил. Так что я почти сразу упал опять, уже зная, что уцелевшая меня точно прикончит. Надвинулась чернильная тьма, с воем, криком, диким хохотом и громом барабанов. А затем мрак рассеялся, пришли серые сумерки, и я, все еще удерживая кинжал влажной ладонью, попытался разглядеть, что происходит.

Быстро начало светлеть, колдовство, упавшее на лес, стремительно рассеивалось.

И я увидел девушку.

Ее одежда была ослепительно-белой. Белый берет, короткий мужской камзол, рубашка с кружевным воротником и рукавами, штаны для верховой езды и даже сапожки. Тем более впечатляюще смотрелись красные вкрапления, словно кровь, пролившаяся на нетронутый снег. Алое фазанье перо в берете, алая рубиновая брошка на горле, алая строчка по воротнику, рукавам камзола и сапогам.

Она шла по дымящейся земле, держа в руках, затянутых в белые перчатки, черный кинжал с сапфировым набалдашником. Остановившись рядом с последней, почти развоплотившейся душой, девушка подняла на меня светло-карие глаза и спросила:

— Не возражаешь?

Я покачал головой и вытер кровь, текущую из невесты каким образом разбитой губы. Кинжал спасительницы добил последнюю из убавляющих.

— Привет, Синеглазый,— сказала девушка.

— Здравствуй, Гера,— поприветствовал я ее.— Вот уж кого не ожидал встретить, так это тебя.

— Признаться, и я не думала, что мы столкнемся. Извини, надо успокоить их.— Она убрала кинжал в ножны.

Скелеты, которых встряхнула магия и схватка, бушевали, щелкали челюстями, стучали костями, собирались в круг для танца. Король, положив фламберг на плечо и опустив забрало шлема, готовился отдать приказ начинать пляску. Не знаю, что делала Гертруда, но получалось у нее хорошо. Уже через минуту костяки вновь начали расползаться по лесу, застывать в самых нелепых позах, впадать в спячку.

Эта девушка не только страж душ, но и колдунья. Ведьма, если хотите. В классическом смысле этого слова. То есть при нужде может и метлу оседлать, и проклятие наслать.

Король вернулся на свое место, демонстративно отвернувшись от меня, и забрало поднимать не спешил. Бой на поляне и мои *фигуры* основательно повредили множество скелетов. Часть костей рассыпалась без всякой надежды быть собранными вновь.

Я уже поднялся, хотя меня все еще мутило и в ногах была гадкая слабость. Гера, ни слова не говоря, протянула мне маленькую фляжку.

— Только не алкоголь.

— Это молоко, Людвиг. Пей.

Сразу же стало легче.

— Подумать только, Синеглазый совершил еще одно чудо — расправился за один раз с толпой убавляющих плоть? Сколько их было всего? Шестеро?

— Семь. Если считать и ту, что ты прикончила.

В ее глазах что-то сверкнуло, но я не был готов поручиться, что угадал эмоцию.

— Такие подвиги только магистрам совершать.

— Ну, я не магистр,— проворчал я.— И без тебя я бы не выжил. Ты здесь какими судьбами?

— Если честно, то совершенно случайно. Ехала в столицу, но почувствовала этих,— последовал кивок в сторону

скелетов.— Решила посмотреть, что такое. А нашла тебя. Насмешка судьбы.

— Да уж... — Вот и все, что я мог сказать.

— Идти можешь? — спросила она.

— Конечно. Ты пешком?

— Оставила лошадь на дороге. Я их усыпила ненадолго. Потом начнут буяннить. Не отставай.

Она пошла вперед, а я поплелся за ней, любуясь ее гибкой фигурой. За то время, что мы не виделись, Гера отростила короткую косу, вплела в белые волосы алую ленту. Во всем остальном она ничуть не изменилась с момента нашей последней встречи. Точнее расставания. И надо сказать, расстались мы не в самых лучших отношениях. На самом деле я чудесным образом избежал превращения в жалкую гусеницу. До сих пор не знаю, что остановило вспылчивую колдунью.

С того времени я не видел Гертруду, хотя пытался отыскать ее, но каждый раз мы оказывались в разных странах, занятые собственными делами. И вот теперь встретились.

Она обернулась и с подозрением поинтересовалась:

— Чему ты улыбаешься?

— Рад тебя видеть.

Она фыркнула, но комментировать это не стала. Сказала лишь:

— Поначалу я тебя даже не узнала. Раньше ты бороду не носил. Похож на пса. Смешного. И лохматого.

Я машинально потрогал недельную «щетину». Росла она совершенно бесконтрольно, да еще отчего-то разных цветов. От светло-песочного до темно-русого, цвета моих волос. Действительно, словно пятнистая дворняга.

— Вернусь в Вион, побереюсь.

— Не надо. Мне нравится. Ты забавный.

Я озадаченно промолчал.

— Признала только по кольцу. Польщена, что ты все еще его носишь.

Кольцо сделала мне она. Я носил его на безымянном пальце левой руки — три плоских полоски из белого, красного и желтого золота, завитые несложной спиралью. На каж-

дой полоске выбиты руны крапивы, руты и толокнянки. Ведьма говорила, что когда-нибудь это кольцо спасет мне жизнь. Я и верил и не верил. Вот уже второй год оно у меня на пальце, но пока еще ни разу не помогло. Впрочем, и не помешало тоже.

— Мне нравится.

Она резко остановилась, потянулась к кинжалу, но я поспешно сказал:

— Не тронь его. Это мой.

Пугало появилось из-за мшистых камней, подозрительно посмотрело на Геру и уже не спускало с нее глаз.

— А где Проповедник? — Она тоже наблюдала за одушевленным, и ее глаза нехорошо шурились.

Было видно, что сдерживает Геру от действий только моя просьба.

— Решил меня не сопровождать.

— Как всегда струсил. Ты хотя бы знаешь, что *это* такое?

— Он одушевленный. И хватит о нем.

Гертруда сокрушенно вздохнула:

— Иногда я поражаюсь твоему безрассудству, Синеглазый. Ну, смотри. Как знаешь. Но я бы не очень-то доверяла этому.

— У нас с ним негласное соглашение.

— Любишь ты окружать себя странными душами, — сказала она, видя, как Пугало присоединилось к нам. — Кстати говоря, что ты здесь делаешь? Ведь не за убавляющими же плоть ты пошел в одиночку?

Я пересказал ей случившиеся события, и рассказ длился как раз до той поры, пока мы не оказались на дороге. Ее лошадь, каурая красавица, стояла не привязанная совсем недалеко от кладбища.

— Меня ждут дела в столице, но твоя история заинтересовала, Людвиг. Если позволишь, я остановлюсь на ночь в Вионе. Хочу сама посмотреть, что к чему.

— Святые угодники! — подскочил Проповедник, когда я вошел в комнату. — Во что ты, черт тебя побери, ввязался?! Иисусе Христе! А она тут откуда?!